

перед Господом, неужели бы Он допустил существование этих бесчисленных лагерей и тюрем..? Сколько душ очищается теперь страданием!..» [1, с. 447]. Действительно, после страданий очищаются и укрепляются души многих героев романа: одни погибают, каясь и обращаясь к Богу, другим (Елочке, Мике, Мери) выпадает на долю другой подвиг – долгая, исполненная труда жизнь, и они призваны не делить мир на победителей и побежденных, но сохранить подлинные идеалы и передать их следующим поколениям. «Все они проходят через “искушение” романтическими мечтаниями, все стремятся уйти от неприглядной действительности в грезы о подвиге или о монашестве, но затем, повзрослев, совершают уже не выдуманные, а подлинные подвиги» [2, с. 82] и вновь убеждаются: «Святое тело России все-таки здесь... Россия спасет себя сама, изнутри... За закатом придет рассвет!» [1, с. 939].

«Пройдет время – все это перемелется... Новая интеллигенция будет уже иная...» [1, с. 906]. Так говорит одна из героинь романа, и в ее словах звучит убеждение в том, что революционные события, какими бы страшными ни казались, были попущены Богом на пользу России и ее народу. Именно в этом сущность православного восприятия революционных событий.

Список использованных источников

1. Головкина И.В. Лебединая песнь. – СПб.: Храм во имя святых Царственных Страстотерпцев в Сологубовке, 2009. – 944 с.
2. Попова Е.А., Шурупова О.С. Роман И.В. Головкиной «Побежденные» («Лебединая песнь») как составляющая Петербургского текста русской литературы // Мир русского слова. – 2015. – № 2. – С. 77-82.

**Olga Shurupova,
Anna Shurupova**
(Russia, Lipetsk)

RUSSIA AND REVOLUTION (The novel 'A Swan Song' by I.V. Golovkina as an experience of the Orthodox world perception)

Abstract. The article deals with the features of the Orthodox perception of the Revolutions in 1917 and post-revolutionary Russian life in the novel "A Swan Song" by I.V. Golovkina.

Keywords: I.V. Golovkina, "A Swan Song", Russia, Petersburg, revolution, Church, faith.

Вера Константиновна Харченко
(Россия, г. Белгород)

РИТМИЧЕСКАЯ ПЛАСТИКА В ИДИОСТИЛЕ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ (БУЛГАКОВА)

Аннотация. Исследуются языковые особенности 12-томного труда митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) «История Русской Церкви», выявляются индивидуальные особенности воплощения пластики в ритмической организации текста посредством равновесного использования фонетических слов с ударением на последнем, предпоследнем и третьем от конца слоге.

Ключевые слова: митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков), «История Русской Церкви», пластика стиля, повествование, рассуждение, описание, ритм, ударность слова.

Сама постановка проблемы была вызвана исследованием особенностей уникального, весьма ценного и современниками, и последующими поколениями языка и стиля митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), что обусловило подготовку и издание соответствующей монографии [4]. Ставя во главу угла задачу изучения пластики языка и стиля на материале прежде всего основного (основополагающего!) труда митрополита Макария «История Русской Церкви» (ИРЦ), мы не могли не констатировать значимости и ритмической организации того или иного текстового фрагмента. Эта ритмика научной прозы проецировалась нами и на текст в целом, весьма, кстати, объёмный, насчитывающий 12 томов, изданных в семитомном варианте, при этом четвёртый том вышел в двух частях.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе ритмические единицы были просчитаны на одном этапе большом отрывке с пробным выделением фонетических слов, отражающих мужской, женский и дактилический тип ударности. На втором этапе ритм прозы рассматривался по той же методике на материале отдельных фрагментов «Истории Русской Церкви», представляющих собою отдельно повествовательный, рассужденческий и описательный типы текста.

Исследователь ритма художественных прозаических произведений М.М. Гиршман писал: «Ритм, таким образом, – это один из наиболее непосредственных и первичных материальных выражений единства и органической целостности литературного произведения» [1, с. 6]. Вспоминаются и слова Александра Блока: «Ритм в нас первее образов, первее слов».

Действительно, ритм, в том числе в сугубо прозаическом, более того научном, более того историографическом тексте, невозможно не ощущать, но «объяснить», «рассекретить» его применительно к научной прозе весьма непросто. Наш подход оказался более упрощённым, нежели предлагаемый М.М. Гиршманом. Мы не выделяли в периодах колоны-синтагмы, не просчитывали гипердактилические зачины и окончания, но некоторые закономерности ритма в ИРЦ, полагаем, установить удалось. Конечно, в «совокупном» тексте ИРЦ немало периодов, ритмика которых прослушивается внутренним слухом даже неискушённому читателю, однако мы брали для анализа далеко не одни периоды.

Итак, для выявления пластики ритма сначала был взят фрагмент текста из ИРЦ, отличающийся тремя следующими характеристиками.

Требовалось, чтобы он был сугубо научного изложения, без элементов проповеднического лиризма, чтобы был относительно законченным в каждой своей части и, наконец, что немаловажно, не содержал бы цитатного материала, то есть целиком принадлежал бы непосредственно перу митрополита Макария (Булгакова).

Таким текстом оказалось вступление ко 2-му тому, состоящее из трёх больших абзацев: Текст начинается словами: «Избрание Илариона на кафедре...» и завершается словами: «...явились у нас несколько сочинений, направленных против латинства» [2, с. 127-128].

Рассмотрим, в каком количественном соотношении в этом тексте представлены фонетические слова с ударением по мужскому типу (рифм), то есть на последнем слоге, женскому типу (на предпоследнем) и

дактилическому типу (ударный третий слог от конца или, что совсем редко, – четвёртый и далее).

Слов с ударностью по принципу женской рифмы, то есть на предпоследнем слоге, оказалось системно почти столько же, сколько слов с ударностью на последнем и третьим от конца слоге.

58 – 61 (23+38);
77 – 78 (32+46);
44 – 56 (24+32);
всего: 179 – 195 (116+79).

Положение ударного слога	По принципу женской рифмы	По принципу мужской рифмы	По принципу дактилической рифмы
Первый абзац	58 (составляет)	23 (мысль)	38 (избрание)
Второй абзац	77 (период)	32 (настал)	46 (нашими)
Третий абзац	44 (отразилось)	24 (христиан)	32 (в истории)
Текст в целом	179	79	116

Мы предположили, что в преобладании женского типа ударности (причём в преобладании **над суммой** остальных типов!) как раз и таится некоторая загадка фонетически и ритмически ощущаемой пластики идиостиля митрополита Макария.

Интересно здесь же и почти равное использование «мужского» и дактилического типа ударности знаменательных слов.

Разумеется, митрополит Макарий (Булгаков) отнюдь не вычислял эти соотношения. Использование ритмических фондов языка проходило на интуитивном уровне. Не исключено также, что богатейший опыт чтения проповедей срабатывал и при выстраивании научного текста, ничем не напоминающего проповедь. Требования историографического, то есть сугубо научного дискурса, соблюдены на всей протяжённости ИРЦ. Однако (продолжим мысль!) этот опыт церковного красноречия срабатывал при создании текста **столь же доходчивого, удобочитаемого и мнемонически выигрышного**, как доходчивые, удобопроизносимые и запоминающиеся проповеди митрополита.

Таково было первоначальное наше заключение, хорошо будто бы вписавшееся в иные выявленные механизмы пластики идиостиля митрополита Макария (Булгакова). Это лексическое богатство, высокий коэффициент разнообразия используемых знаменательных слов, грамматическое расколосье форм, мастерство перифразы, удвоение эпитетов, выводящих на лингвотитические пласты текста и мн. др.

При продолжении своего исследования мы вышли на анализ в ИРЦ известной триады типов текста: повествований, рассуждений и описаний, и, соответственно, решили проверить, **существует ли корреляция между тремя типами текста в ИРЦ и тремя типами ударности слов** из тех, что мы определяли выше: мужским, женским и дактилическим типами, зависящими от места ударного слога в слове. Последний это слог, предпоследний или третий от конца и далее.

Из книги III ИРЦ сначала был выбран нарративный фрагмент, начинающийся словами: «*Вскоре родители Варфоломея...*» и заканчивающийся словами: «*...ездившего в Царьград (следовательно, в 1354 или 1356 г.)*», состоящий из трёх больших абзацев [3, с. 109-112].

Далее были выбраны два «рассужденческих» фрагмента [3, с. 312-314]: Первый начинается словами: «*Вообще должно сказать, что грубость...*» и заканчивающийся: «*...господствовавшие у нас тогда разбои*». Второй начинается со слов «*Впрочем, не будем думать, будто эта жестокость...*» и заканчивается словами: «*...и долгое время после*».

Наконец, был выбран фрагмент с описанием [3, с. 146-149]. Начало его: «*В архитектуре церквей...*» и конец: «*...на содержании властей духовных и светских*».

Повествовательный фрагмент:

	Ж (ударность по женскому типу)	М (ударность по мужскому типу)	Д (дактилическая ударность)
Первый абзац	70	63	48
Второй абзац	42	54	30
Третий абзац	74	62	42
Всего в тексте	186	179	120

Фрагмент с рассуждением

	Ж (ударность по женскому типу)	М (ударность по мужскому типу)	Д (дактилическая ударность)
Первый отрывок	57	37	47
Второй отрывок	60	29	41
Всего в тексте	117	66	88

Описательный фрагмент

	Ж (ударность по женскому типу)	М (ударность по мужскому типу)	Д (дактилическая ударность)
Всего в тексте	35	69	137

Интересно, что «женский тип» ударности остаётся **весьма весомым** независимо от типа текста, однако в повествованиях его почти догоняет «мужской» тип ударности. Пока мы воздерживаемся от комментирования полученных данных, тем более что преобладающим в ИРЦ является повествовательный тип текста, несколько реже встречаем рассуждения и совсем редко, при описании, например, убранства церкви, ведущим становится описательный тип текста.

Теперь сложим итоговые величины всех трёх типов текста (Ж–М–Д):

338 – 314 – 345.

Получается практически равное число слов с женским, мужским и дактилическим типом ударности. Не исключено, что в таком **равновесном использовании ударности слов** и таится один из секретов пластики стиля митрополита Макария (Булгакова).

Проверив это гипотетическое равенство на тексте проповеди, начинающейся словами *...Обращаясь, в частности, к тебе, богоспасаемый град Харьков...*, по линии Ж–М–Д мы получили следующие величины:

38 – 33 – 34.

Таким образом, нашу первоначальную гипотезу о явном преобладании «женского» типа ударности при проведении дальнейших подсчетов мы вынуждены были заменить более валидным наблюдением о примерно равном использовании разноударных фонетических слов как условия пластики стиля.

Выше была упомянута брошюра М.М. Гиршмана по исследованию ритма прозы. Автор проследил связь ритмики с типом и жанром произведения и пришёл к выводу, что жанровая близость оказывается важнее, нежели принадлежность одному автору [1].

Наш итоговый подсчёт характера ударности в слове несколько отличается от того, о чём говорится в упомянутой публикации. Идеальная пластика стиля «внутренне» потребовала от автора **равномерного использования разноударных фонетических слов**, что более ярко высвечивается при расширении охвата материала.

Список использованных источников

1. Гиршман М.М. Проблемы целостного анализа художественной прозы (Ритмическая организация прозаического художественного текста). – Донецк: Донецкий гос. ун-т, 1973. – 45 с.
2. Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга вторая. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. – 704 с.
3. Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга третья. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. – 704 с.
4. Харченко В.К. Митрополит Макарий (Булгаков): пластика языка и стиля: монография. – Белгород: Изд-во ООО «Белгородск. областная типография», 2017. – 220 с.

Vera Kharchenko
(Russia, Belgorod)

RHYTHMICAL PLASTICS OF STYLE BY METROPOLITAN MAKARIUS (BULGAKOV)

Abstract. The article deals with linguistic characteristics of the 12 volume "History of Russian Church" by Makarius (Bulgakov), Metropolitan of Moscow and Kolomna, determines individual peculiarities of plastics in rhythmical organization of text by equivalent use of words with accent on last, last but one and third syllable.

Keywords: Metropolitan of Moscow and Kolomna (Bulgakov), "The History of Russian Church", plasticity of style, narration, reasoning, description, accent of syllable.

Лилия Сергеевна Шкурат
(Россия, г. Липецк)

ТРАГЕДИЯ ГРАЖДАНСКОЙ МЕЖДОУСОБИЦЫ В РОМАНЕ Ю.В. БОНДАРЕВА «БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК»

Аннотация. В статье анализируется роман «Бермудский треугольник», рассматриваются особенности осмысления в нем современной российской истории, акцентируется внимание на нравственном выборе главного героя произведения.

Ключевые слова: Ю.В. Бондарев, «Бермудский треугольник», национальная трагедия, нравственный выбор.

Роман «Бермудский треугольник» – одно из самых трагических произведений в творчестве Ю.В. Бондарева, написанное по «горячим следам» октябрьских событий 1993 года в Москве.

С одной стороны, автор в художественной форме предельно откровенно выразил в нем свои впечатления, реакцию очевидца расстрела Дома Советов, причем очевидца не равнодушного, а горячо переживающего за будущее России и русского народа. Писатель вспоминал: «Я был среди защитников Дома Советов, говорил с ними, слушал их, запоминал их лица... Ощущал «стволы» снайперов, нацеленные на людей, тех, что были рядом со мной» [3, с. 168]. «Я просто обязан был высказаться в литературе» [3, с. 168], – подчеркивал Ю.В. Бондарев в одном из интервью, считая создание романа своим писательским и гражданским долгом.

С другой стороны, Ю.В. Бондарев, осмысливая в «Бермудском треугольнике» современную российскую историю, органично вписывает ее в контекст мирового исторического процесса. Так, герой произведения, представитель старшего поколения интеллигенции, Егор Демидов проводит явные параллели между сегодняшним состоянием России и другими эпохами ее исторического развития, причем это сопоставление оказывается совсем не в пользу современности: «Было ли такое ничтожное, пакостное время в истории России? Ничтожное, безнациональное, торгашеское, позорное! Было! Семнадцать лет смуты, варианты всяческих Лжедмитриев, предательства, подкупы, убийства, разврат, грабеж, поголовное пьянство! Все было! Но не такое циничное, грязное, извращенное! Боялись Бога при всей своей мерзости, иногда воздымали глаза к небу!» [2, с. 537]. По мнению героя, именно страх Божий и православная вера в самые тяжелые времена спасали нашу страну от возможной гибели. Теперь же абсолютная вседозволенность привела к тому, что «в душах людей первобытный зверь проснулся <...> и свихнулись они, с ума сошли, мозги набекрень» [2, с. 535]. Таким образом, художественное время и пространство романа оказываются символически шире картины русской жизни и исторических событий 90-х годов XX века, повествование о которых составляет его основной сюжет. Более того, «черный октябрь» предстает в раздумьях Демидова не только сквозь призму исторических аналогий, но и в облике «последних времен» как междоусобная схватка, предвещающая эсхатологическую трагедию человечества. «Это только начало чудовищной трагедии! – восклицает герой. – Быть гражданской войне и неслыханному океану кровавых слез, которые вторым потопом зальют Россию от края до края!» [2, с. 540]. В предельной эмоциональности его размышлений слышится и общая боль героя за будущее Отечества, и частная, но от этого не менее сильная, – боль за судьбу самого близкого Демидову человека, его внука Андрея, попавшего в кровавую мясорубку междоусобицы.

Находясь в числе арестованных в отделении милиции, Андрей Демидов слышит мстительные, злобные, «хрипящие в озверелой жажде крови» [2, с. 525] голоса омовцев, видит их взбешенные лица, в которых не осталось ничего человеческого. Лексема «бешеный» (одержимый бесом) и близкие ей по смыслу слова неоднократно повторяются в этом эпизоде и сопровождают действия обеих сторон: и милиционеров, и задержанных, – убеждая читателей в том, что, говоря словами шолоховского героя Григория Мелехова, ни те, ни эти поступают «не по совести». Самого